

Мероприятия для родителей и детей должны были начаться только после полудня. Позавтракав, Ли Сяньфу отправился прогуляться по тенистой аллее, чтобы переварить еду. Ли Шаша шагал рядом с ним, дыша свежим воздухом.

Впереди раскинулась сочная, густая зелень деревьев. Разглядывая сплошную стену листвы, можно было расслабиться и душой, и телом. Вот только после дождя из земли выползло множество дождевых червей, поэтому большую часть времени Ли Сяньфу приходилось внимательно смотреть под ноги, чтобы никого не раздавить.

— Папа, к нам кое-кто затесался.

Ли Сяньфу поднял голову и увидел зрелище куда более хлопотное, чем уворачивание от червей: неподалеку к ним направлялась Цинь Цзяюй.

Ли Шаша заметил:

— Будем надеяться, у нее хватит ума просто пожелать доброго утра и пройти мимо.

Но реальность была такова: о благоразумии не шло и речи — хорошо хоть, если она не устроит какую-нибудь пакость.

Пока они разговаривали, Цинь Цзяюй уже подошла к ним и достала небольшую карточку:

— Слышала, чтобы встретиться с твоей сестрой, нужно сначала устроить состязание?

Ли Сяньфу не удосужился даже ответить, поэтому Ли Шаша отстраненно кивнул за него.

Цинь Цзяюй слегка коснулась иероглифа «стрельба» на карточке, а затем сложила пальцы пистолетиком.

Увидев это, Ли Сяньфу наконец разомкнул губы и напомнил:

— Под «стрельбой» здесь подразумевается стрельба из лука.

— Я знаю, — ответила Цинь Цзяюй. — Просто времена изменились. Можешь подумать над этим, я как раз знаю отличный стрелковый клуб.

Когда она отошла подальше, Ли Шаша проговорил:

— Времена-то изменились, а вот способы зарабатывать деньги остались прежними. Она понятия не имеет, что ты делаешь деньги на проекте «Белый лунный свет».

— Ничего страшного, — отозвался Ли Сяньфу. — У нас еще будет возможность дать ей почувствовать, что такое настоящая смена эпох.

С этими словами он повернул голову и невольно нахмурился. То, что Цинь Цзяюй не стала навязчиво липнуть и спорить, напротив, вызвало нехорошее предчувствие.

Даже Ли Шаша не удержался от вопроса:

— Зачем она вообще приходила?

Просто чтобы взять талончик и пригласить в стрелковый клуб?

Ли Сянфу слегка поправил закатанный рукав, опустив глаза и ничего не ответив. Наконец он непринужденно улыбнулся и спросил:

— Каков лучший способ сорвать заговор?

— Абсолютная сила, — ответил Ли Шаша.

— Нанести удар первыми.

— ...

— Чуть позже я обсужу это с Цинь Цзинем, — добавил Ли Сянфу. — Постараемся решить все одним махом.

Едва он сделал шаг, как почувствовал натяжение у края рубашки. Обернувшись, Ли Сянфу увидал задрывшуюся вверх детскую мордашку.

Ли Шаша держался за его рубашку и спросил:

— Папа, раньше ты всегда всё обсуждал со мной.

Ли Сянфу кивнул, не начав отрицать, а затем с серьезным видом указал на суть:

— Реализация любых планов требует финансовой поддержки.

Ли Шаша без колебаний разжал пальцы и с невозмутимым видом перевел тему:

— Рубашка помялась.

С этими словами он помог ему разгладить складки на ткани.

Глядя на это, Ли Сянфу спокойно произнес:

— Ветер реальности поднял рябь на ледяной глади твоей души.

— Папа, разговоры о деньгах лишь портят отношения.

По дороге Ли Сянфу мимоходом прихлопнул двух надоедливых комаров и, вытирая руки влажной салфеткой, спросил:

— Так о чем ты так долго размышлял до этого?

Он-то думал, что Система способна в одиночку уделать Цинь Цзяюй.

— О том, как истощить ее энергию и не дать ей сбежать в самый последний момент, — ответил Ли Шаша. — Если отвязка провалится, у меня есть и другие способы. Правда, придется немного рискнуть.

Не успел он договорить, как Ли Сянфу оборвал его строгим предупреждением:

— Мусор не стоит твоего риска.

— ...Понял.

· После полудня наконец показалось долгожданное солнце.

Под деревьями собрались участники мероприятий. Впереди стояли сотрудники, которые руководили процессом и разогревали атмосферу.

Из толпы то и дело доносился детский смех и строгие замечания взрослых. Ли Шаша неторопливо произнес:

— Вы должны быть мне благодарны.

Никто не стал возражать: не будь с ними ребенка, среди этой толпы они смотрелись бы совершенно чужеродно.

Рядом с кинозалом находилась мастерская керамики. Милые поделки привлекали внимание многих прохожих, но Ли Сяньфу и его спутники не стали задерживаться и прошли прямо в кинозал, зайдя на средние ряды.

Ли Шаша везде пользовался всеобщей любовью, поэтому уселся прямо между Стариком Ли и Ли Аньцином. Ли Сяньфу же, не желая сидеть слишком сбоку, поднялся на ряд выше и сел отдельно.

До начала фильма оставалось минут пять-шесть. В зале постепенно становилось все больше людей. Горевшие лампы погасли, шум постепенно затих и наконец совсем прекратился.

Под мелодичную музыку на экране появилось крупное название: «Родители — мое небо». Ли Сяньфу, рассчитывавший увидеть комедию, слегка опешил.

Сам он не любил слезодавильные драмы, но сеанс уже начался. Уйти сейчас означало спровоцировать Старика Ли, который наверняка решил бы, что сын делает это ему назло.

Не имея выбора, Ли Сяньфу заставил себя смотреть дальше.

Каждые десять минут сюжет радовал очередным драпирующим душевную рану трагизмом. Сидевшая сбоку от него женщина постоянно шмыгала носом и уже почти заливалась слезами. Ли Сяньфу только собрался протянуть ей салфетку, как кто-то слегка похлопал его по плечу.

Он повернул голову: в соседнем кресле, где еще недавно было пусто, кто-то сидел. Экран вспыхнул при смене кадра, осветив невероятно красивое лицо.

Ли Сяньфу от удивления распахнул рот:

— Цинь...

Цинь Цзинь приложил палец к губам, призывая к тишине.

Ли Сяньфу подался к нему и шепотом спросил:

— Как ты здесь оказался?

Еще вчера во время разговора по телефону тот всем своим видом показывал, что горячие источники его совершенно не интересуют.

Цинь Цзинь лишь ответил, что закончил работу раньше.

Ли Сяньфу ткнул пальцем в пол, имея в виду: ладно уж сам приезд, но как он догадался прийти именно в кинозал?

Под изумленным взглядом Ли Сяньфу Цинь Цзинь неожиданно протянул руку и расстегнул пуговицу на его манжете. Длинный рукав рубашки прикрыл большую часть ладони. Через слой ткани Цинь Цзинь начертил на его руке: «Несложно догадаться, что выберет ваша семья. Лишних разговоров лучше избегать».

От легкого щекочущего прикосновения к ладони у Ли Сяньфу на душе возникло странное, труднопередаваемое чувство.

Что до тонкой проницательности и внимания к деталям, с Цинь Цзинем вряд ли кто-то мог сравниться. Зная, насколько Ли Сяньфу избирателен в телесных контактах, он проявлял крайнюю деликатность.

Цинь Цзинь уже собирался написать что-то еще, но Ли Сяньфу закатал рукав и со смешком качнул головой, давая понять, что он вовсе не такой сухарь и педант.

Цинь Цзинь тоже улыбнулся. На этот раз уже без ткани он вывел на его ладони: «Ты вчера звонил мне, хотел сказать что-то еще?»

Ли Сяньфу кивнул и начертил: «Касается Цинь Цзяюй».

Поставив последнюю точку, он не стал сразу убирать руку, оставив кончики пальцев на его ладони, и присмотрелся к выражению лица Цинь Цзиня.

Сейчас на лице Цинь Цзиня застыло странное спокойствие, а взгляд стал предельно холодным; присмотревшись, в глубине его зрачков можно было заметить иные оттенки.

В некоторых вещах между ними было негласное взаимопонимание. Написанные Ли Сяньфу слова ясно выражали его намерение разрубить этот узел одним махом. Вот только Цинь Цзяюй и Цинь Цзинь все же оставались родней. Слухи ходили не на пустом месте: хотя Цинь Цзинь редко говорил об этом, чувствовалось, что до гибели его родителей их семьи действительно были в хороших отношениях.

Порой Ли Сяньфу даже казалось, что Цинь Цзинь подсознательно намеренно медлил с расправой над Цинь Цзяюй, иначе, учитывая его привычный стиль действий, он был бы куда более агрессивен и напорист.

И в этот момент Цинь Цзинь вдруг слегка кивнул и сжал пальцы.

Ли Сяньфу понял его знак: «Действовать без пощады».

Некоторое время после этого Цинь Цзинь продолжал сидеть прямо и неподвижно. В кинозале раздавалось все больше всхлипываний. Ли Сяньфу, отдохавший с закрытыми глазами, разомкнул веки и взглянул на экран — шел уже финал. Родители главного героя наконец разрешили разногласия с ребенком, однако по дороге на его день рождения стали жертвами скрывшегося с места ДТП водителя.

Взгляд Ли Сяньфу дрогнул. Он внезапно осознал, что вспышка эмоций у Цинь Цзиня была вызвана не Цинь Цзяюй, а фильмом. Сама по себе эта картина вряд ли могла затронуть его, но ее хватило, чтобы на миг напомнить ему о трагической гибели собственных родителей.

Когда под финальную песню поползли титры с именами актеров, Ли Сяньфу похлопал Цинь Цзиня по рукаву и прошептал ему на ухо:

— Если тебе тяжело, можешь воспользоваться моментом и дать волю чувствам.

Цинь Цзинь, напротив, усмехнулся:

— Я взрослый человек.

Ли Сяньфу серьезно ответил:

— Поплакать во время показа — лучший способ выплеснуть накопившуюся боль.

Раньше он сам часто под предлогом просмотра спектакля давал слезам волю: и душевную горечь выплескивал, и заодно подкреплял свой трогательный, вызывающий сочувствие образ.

Похоже, вспомнив годы, проведенные в другом мире, Ли Сяньфу на миг задумался и с горькой улыбкой добавил:

— Поверь мне, это правда помогает.

Смутно ощутив его подавленность, Цинь Цзинь долго молчал, а затем тихонько похлопал его по плечу, даря безмолвное утешение.

Фильм закончился, но свет в зале включили не сразу, давая зрителям прийти в себя. Организатор мероприятий для родителей и детей вышел вперед и произнес в микрофон:

— Сердца всех родителей полны бесконечной любви. Если ваши родители сейчас здесь, давайте обнимем их!

<http://bllate.org/book/18300/1757221>